

А.в.Суворов
ВОСПИТАНИЕ ИСКУССТВОМ ЛЮБВИ

В главном воспитание детей-инвалидов ничем не отличается - и не должно отличаться - от воспитания детей без инвалидности. Разумеется, инвалидность меняет конкретные условия воспитания и, следовательно, его методическую тактику, но стратегия воспитания - общая для всех.

Я сам инвалид с детства; зрение потерял в три года, слух - в девять лет, речь - сохранная. Немало довелось пообщаться и с инвалидами других категорий, особенно с детьми.

Это обстоятельство - то, что с инвалидностью я знаком не понаслышке и не только извне, - думается, даёт мне дополнительное моральное право настаивать, что специфика воспитания детей-инвалидов носит тактический, а не стратегический характер. Меняется (и очень сильно) форма, а не содержание воспитательной работы. Иными словами, форма воспитания может и должна быть не просто "специфической" (особой лишь для той или иной "категории" детей), но уникальной, неповторимой, единственно возможной для каждого ребёнка, более того, для каждой возникающей в жизни ситуации. А содержание воспитания остаётся - и должно оставаться - общечеловеческим.

Именно так я понимаю постоянно цитируемое мною высказывание моего учителя, философа Эвальда Васильевича Ильенкова, из письма ко мне, написанного 12 августа 1974 года: "...Я понимаю, что слепоглухота не создаёт ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего".

Остаётся добавить: больше ничего не делает и всякая другая инвалидность, - по крайней мере, физическая. И добавление это не голословно: работая в Детском ордене милосердия, вообще много лет участвуя в движении детского милосердия, я всяких ребят встретил, со всякими старался подружиться, и старался не без успеха... А наладить общение с ребятами мне, из-за слепоглухоты как раз, очень-очень нелегко...

Кстати, об общении. В конце апреля - начале мая 2001 года прошла вторая очная сессия Школы юного журналиста, организованной Детским орденом милосердия при финансовой поддержке Института "Открытое общество" (фонда Сороса). Это была школа именно для детей-инвалидов, и всякие там были - с Детским церебральным параличом (вплоть до коляски), слепые, с разнообразными внутренними болезнями... И как-то небывало наглядно проявилось, что дети в общении со мной не желают никаких посредников-переводчиков, хотят общаться только

напрямую. Даже Настя на коляске пыталась писать у меня по ладони сама, отвергая мои предложения позвать кого-нибудь на помощь. В другом лагере парализованный мальчик, свободно двигающий только головой, писал у меня по ладони карандашом, зажатый в зубах. Слюна, правда, текла вдоль карандаша, как по жёлобу, но я изо всех сил старался понять, - получалось!

- и мы оба были счастливы... (Эти ребята - не то что взрослые, которые сразу дают задний ход, при малейших затруднениях без стыда, без совести норовя укрыться за спиной посредника-переводчика. А всего-то хлопот на самом деле - пять минут попрактиковаться, приспособиться...)

Кем вы хотите воспитать своих ребят? "Хорошими людьми" - не так ли? Сейчас не будем забираться в философские дебри, выясняя, что такое "хороший человек", как сие можно понимать. Как ни понимай, а одно тут ясно: нам не может быть безразлично нравственное качество растущей личности. Нам не может быть это безразлично - или нам в высокой степени, с самой высокой в мире колокольни, каланчи и телебашни, наплевать и начихать на какое бы то ни было "воспитание".

Если вы с этим согласны, то уже элементарная логика вынудит вас согласиться и с тем, что со стратегической точки зрения воспитание может быть и бывает только нравственное. Или никакое. Ибо "хороший человек", как ни толкуй, - это нравственный человек. (Оговорюсь мимоходом: не обязательно "моральный", ибо мораль может быть и бывает безнравственной; но обоснование этого тезиса уведёт нас в весьма дремучие философские дебри, поэтому тех, кто не поленится в них поплутать, отсылаю в библиотеку, - литература по данному вопросу весьма обширна.)

Много прилагательных у термина "воспитание": и трудовое, и физическое, и эстетическое, - и даже щепетильная и скромная старая дева, сиречь педагогика, заговорила-таки о половом... Хотя в девятнадцатом веке, - помнится по классической литературе, - под "нравственностью" понималось целомудрие, и, следовательно, под нравственным воспитанием... сами с трёх раз догадайтесь, какое. И правильно. Я просто к тому, что лень - едва ли добродетель, скорее порок; вот вам и трудовое воспитание, как разновидность воспитания нравственного. Ну и так далее. Сколько бы ни сочинили видов воспитания, все они - виды воспитания нравственного, то есть виды воспитания "хорошего человека". Или воспитание, как говорится, тут и не ночевало. Моя же задача в данной статье - обосновать это применительно к эстетическому воспитанию. Причём, в чрезвычайно неприятной - уж поверьте на слово - ситуации слепоглухоты.

... - Какая прелесть! - воскликнул я.

Взрослых ребят-переростков в Сергиев-Посадском

реабилитационном центре слепоглухих девать некуда - нет работы по месту жительства. Их в Центре накопилось что-то около полу-сотни. Один из них - мой давний любимец Алёша Живагин. Очень добрый человек. И художественную керамику лепит. Он лепит, инструктор обжигает. Алёша Как-то подарил мне подсвечник из обожжённой глины. Я сдуру туда лавандовое масло налил. Оно протекло, прожгло мне стол. А для свечи - в самый раз...

Я приехал в Центр "перезимовать" - отправил сестру с братом по делам в Смоленскую область, а самому в это время в пустой квартире сидеть - удовольствие ниже среднего. Позвонил (с помощью сестры, конечно) в свой родной детдом - сразу согласились приютить. И сестре спокойно, и мне возле детишек веселей...

Ну и вот. Попросил Алёшу познакомить меня с нынешними малышами. Сидим в воскресенье в библиотеке, я беседую с библиотекаршей, студенткой психфака МГУ. Алёша тем временем мою просьбу помнит, малышкой отлавливает.

Отловил - и направляется ко мне. Сам, что твой шкаф, а впереди такой крохотный светильник... Робеет, упирается, Алёшка его сзади подбадривает (не подумайте чего, просто нежно придерживает за плечики, чтобы не убежал). Накануне об этом мальчике у нас с Алёшей разговор был, что умный очень.

- Познакомься: Коля.

- Тот самый?.. Какая прелесть!

"Прелести" девять лет. Абсолютно лысый. Такая нежная гладкая кожица на макушке. И какой идиот сочинил, что лысина - это некрасиво? Мне всегда нравились лысые. Что дети, что взрослые. Лишь бы кожа была нормальной - гладкой. И я готов гладить её сутками. Точно так же, как и густую шевелюру. Для меня что лысый, что пушистый - почти всё равно: красивый. "Почти" - просто потому, что к лысым нелепое "общественное мнение" относится почему-то предубеждённо, и их, как всех несправедливо обиженных, жалко... А гладить (я говорю - "полировать") их лысины - настоящее наслаждение. Правда-правда!

Я усаживаю лысого девятилетнего Колю к себе на колени. Целую (трудно удержаться, да он и не возражает, ни одного протестующего движения) в гладкую, тёплую, - нежную! - макушку. Тихонько провожу пальцами по ушам, по щёчкам...

Стыдливое движение левой рукой: прикрыл левый глаз. В чём дело?

Глаз отсутствует. Очевидно, с рождения, а не вследствие травмы. Я наклоняюсь - и тихонько целую нежную припухлость на месте глаза. Жутко, да - отсутствие глаза, но... Такая трогательная... Такая красивая... Жуть?

Да нет, ерунда, предрассудки. Какая там жуть? Ребёнок

же. Не бывает, не может быть - некрасивых детей!

А он - если единственным глазом, перед которым я шевелю пальцами, понимает мои вопросы - с такой готовностью, так чётко отвечает! И как зовут, и сколько лет. Обычная наша анкета. Там дальше значатся папа, мама, дедушка, бабушка, братья, сёстры... И кого как зовут, и кому сколько лет... И кто в каком классе учится (включая бабушек и дедушек - про них тоже иногда это спрашивают).

Но я дальше не спрашиваю. Особенно о родителях. Боюсь. Эти вопросы я задаю педагогу. Вдруг родители от мальчика отказались? Бывает, увы... И вот здесь уже ничего красивого ни в какой микроскоп или телескоп не разглядишь. Уродство - оно и есть уродство. Нравственное. Может, кормить нечем... Будь проклято общество, в котором матери нечем кормить ребёнка, - здорового ли, больного, - и она вынуждена с ним расстаться!

По какой бы причине малыш ни осиротел - в этом не может быть ничего красивого. Это уродство. Изъян. Не лично родителей, так мира, в котором такое возможно. И прошу заметить: мира, мироздания, а не только общества. Ибо ранняя смерть родителей, в которой общество может быть ни сном ни духом не виновато - тоже уродлива. Как всякая беда. Как всякое горе. Как всякое - зло!

И всё же Коля, несмотря на некоторые свои физические... гм... особенности - красив. Очень красив. И в этом единодушны все взрослые, с кем я о нём ни говорил. Один будущий священник даже назвал его "маленьким Буддой". Да уж... Прелестный восточный божок. Он, говорят, не то из Калмыкии, не то из Бурятии - так я и не понял.

...Школа юных журналистов. Первая очная сессия. Направляемся с тринадцатилетним Раифом в столовую. Он идёт чуть впереди, я - следую, положив левую руку на его правое плечо. Мне самому нужна опорная трость: перед самым лагерем поскользнулся, повредил правое колено. К хирургу бы, ногу - в гипс, потому что явно что-то серьёзное, да как же - лагерь же... Каждый шаг причиняет почти нестерпимую боль, но ребята вокруг - лучший наркоз.

- Какой ты красивый! - не выдерживаю, выдыхаю искренне восхищённо.

Раиф останавливается. Весь как-то растерянно обвисает. Бормочет (дактильно, то есть пальцевым алфавитом):

- На костылях...

Да. Ему было шесть лет, когда угораздило - попал под трамвай. Правая нога короче левой. Поэтому и костыли. Видел я (руками, конечно) его изуродованное колено, когда уговорил его раздеться на ночь - спал, оказывается, одетым, стеснялся, видите ли... Я объяснил ему, что в одежде спать

вредно - кожа не дышит. Недолго и простыть.

- Причём тут костыли? Ты очень красивый человек. Добрый, весёлый, любознательный. А нога и костыли... Это просто никому неинтересно. Врачам разве что?.. Остальным интересен ты сам. Замечательный мальчик Раиф. И что за имя такое - ну и музыка!

Поверил.

В королевскую ночь, перед отъездом, поделился с восторгом:

- Я сегодня на дискотеке первый раз в жизни танцевал!

- Уговорили?

- Да.

- Ах, молодцы ребята!..

Я-то знаю. На первую дискотеку, в начале смены, он не пошёл - что там делать на костылях? Мы поиграли в шашки. Мальчик был в восторге. А к концу смены - доверился нам всем настолько, что танцевал на дискотеке! Гигантский прогресс! И вся-то смена - неделя...

Ах, какая у Раифа зазорная кнопка - на кончике носа! Если бы вы знали, как это красиво!!!

(Я не люблю злоупотреблять знаками препинания, предпочитаю сдержанную пунктуацию. Но не могу не согласиться с ребятами, когда они выражают высшую степень восторга тремя восклицательными знаками.)

...Красота... Прекрасное... Что это такое?

Если вы всерьёз озабочены эстетическим воспитанием своих детей - от всей души вам желаю всё же, чтобы они не были инвалидами! - вы просто права не имеете не задумываться над вопросом, что такое красота, что есть прекрасное. Чему вы, собственно, собрались учить ребят? Что вы там такое хотите у них "воспитать"?

(И слово-то, Господи, - "вос-питание"... Как обучение самому прекрасному, самому доброму, самому лучшему, что только можно себе вообразить, что только существует, - как обучение всему этому связано с пищеварением? С питанием, то бишь? И ведь как-то связано? Или Иван Петрович Павлов был совсем не прав? Однако не думаю, что "загнивающие американцы" над статьёй "Советские учёные указывают Павлову на дверь" зря поместили две фотографии: на одной - какие-то физиологические офицеры с дворнягой, у которой то ли избыток, то ли нехватка слюны - смотря по раздражителю, - а на другой... мы с Эвальдом Васильевичем Ильенковым. Надо понимать, Ильенков - вместо самого Павлова с его военнослужащими последователями, а я - вместо дворняги. Когда Эвальд Васильевич незадолго до смерти описывал мне эти фотографии из американского научного журнала, мы с ним оба так и поняли, кто из нас вместо кого. И очень довольны были.

И благодарны были авторам статьи, хоть и не принято было в те времена - в конце семидесятых - "загнивающий Запад" хвалить. Ну разве что этак снисходительно, сквозь зубы?..)

Знаете ли, я, пожалуй, согласен со всеми.

И с Николаем Гавриловичем Чернышевским - в том, что "прекрасное есть жизнь".

И с его оппонентами - сторонниками теории "чистого искусства" - в том, что прекрасное - это самостоятельная ценность, самоценность; иными словами - смысл жизни, то, чего ради стоит жить. Не самый худший ответ на вопрос о смысле жизни, ничего не скажешь...

И с Карлом Марксом, для которого прекрасно то, что согласуется с законом существования каждой "вещи", с присущей этой "вещи" "меркой". (Поскольку в самой "марксистской" стране мира мало кто действительно знает марксизм, поясню. В одной из ранних работ, а именно в "Экономическо-философских рукописях 1844 года", Маркс сравнивает производство у животных и человека, и среди других отличий отмечает и такое: животное творит лишь по мерке того вида, к которому оно принадлежит, а человек - по мерке любого предмета своего творчества, любой вещи, ставшей объектом человеческого творчества; "в силу этого человек творит так же и по законам красоты"! - заключает Маркс. Отсюда следует, между прочим, что современное человечество, по Марксу, животных явно переплюнуло в смысле деградации: оно творит не по мерке предмета творчества, и даже не по мерке своего биологического вида, а по мерке сиюминутного каприза, - и поскольку может творить по законам красоты, но при соответствующем техническом могуществе их игнорирует, успешно катится к экологической катастрофе. Даниил Андреев сказал бы, что современное безумное человечество творит по демоническим, а не провиденциальным, по тёмным, а не светлым, законам. То есть по законам уродства, а не красоты.)

Конечно, я согласен и с Эвальдом Васильевичем Ильенковым, который, опираясь на Маркса, полагал, что прекрасное есть "целосообразность", то есть то самое соответствие мере каждой вещи (целому), то есть (перекликаясь уже с древними греками) гармония. И эта "целосообразность", по Ильенкову - главный фактор, воспитывающий нравственное чувство, прежде всего такой неотъемлемый его "компонент", как способность сочувствовать. Не будучи в состоянии представить себя на месте другого человека, вы не сможете ему сочувствовать. А представить себя на его месте вы не сможете, не научившись относиться к нему как к такому же самостоятельному "целому", такой же самостоятельной ценности, как вы сами. Этому, по мнению

Ильенкова, учит искусство. Тем самым он утверждает, что искусство учит любить.

Отсюда недалеко уже и до тезиса: "Прекрасное есть любовь".

Так христиане определяют Бога. И они вправе возликовать и провозгласить: "Прекрасное есть Бог!" Мне им возразить нечего, поскольку они говорят, что "Бог есть любовь". А им виднее. Я же с Богом, к сожалению, пока не имел чести беседовать дактильно. Но что сам Бог прекрасен, а не уродлив, потому что иначе был бы Сатаной, - в этом единодушны все известные мне компетентные источники. Не будем с ними спорить.

Меня же лично в том, что прекрасное есть любовь, убедила моя мама. Своей любовью ко мне. И ещё меня в этом убедили дети - моей собственной любовью к ним.

Ибо что мне говорила моя мама, Мария Тихоновна Суворова, когда я вёл себя не лучшим образом? Она говорила: - Некрасиво!

Я не всегда соглашался с ней в оценке моих поступков. И, упрямец, до сих пор думаю, что не всегда был неправ в своём несогласии. Но ведь в конце-то концов имелось в виду: "Красиво то, что нравственно". С этим общим философским смыслом маминого восклицания я спорить никак не мог. Ибо смысл этот истинен.

Прекрасно то, что нравственно. А нравственно то, источник чего - любовь. Следовательно, прекрасное есть любовь.

Есть ли в этом силлогизме логическая ошибка?

Я не нахожу, хоть убейте.

Если, конечно, не "иметь в виду" вместо любви - склизкую, зловонную похоть. То, что сплошь да рядом и предпочитают "иметь в виду" всякие разные человекообразные. Уж разумеется, не люди...

В 1915 году - как раз вовремя, в разгар Первой Мировой Войны! - была написана гениальная книга. В честь её автора, Януша Корчака, я специально заказал в ателье зелёный галстук треугольной формы, и теперь обязательно его надеваю, когда вокруг меня ребята. Книга Януша Корчака называется - "Как любить детей". Я согласен с автором предисловия к советскому изданию 1968 года, что "эту книгу хочется всю подчеркнуть".

Так вот там - про восприятие младенцем матери. Её кормящей, изумительно пахнувшей, груди. Её голоса, напевающего что-то, - а что у самой необразованной кормящей мамы прорезаются поэтические таланты, это через сорок лет засвидетельствовал Корней Чуковский в книге "От двух до пяти". Я к тому, что первые - любые! - впечатления младенца от мамы - это и есть его первые эстетические впечатления.

Ещё раз: любые впечатления. Звуковые, цветовые, осязательные, обонятельные, вкусовые... Корчак называет детский ротик лабораторией, в которой анализируется любой попавший туда предмет. Так что следите за тем, чтобы ваша грудь - или ваш палец - были на вкус... красивыми. Для этого надо, между прочим, постороже соблюдать правила гигиены...

И если искусство воспитывает чувство целого, оно же чувство красоты, - и тем самым учит любить, - то прежде всего такой воспитательной эффективностью обладает искусство любви. Ибо любовь сама по себе - тоже искусство, причём главное из всех искусств, требующее наивысшего мастерства. И не только главное, но и самое массовое из всех искусств. Искусством любви должен владеть каждый, а если не владеет - значит, недочеловек. Вообще не человек.

Младенец, которого вы выкармливаете, растите, а главное - любите, - этот младенец именно вас, не кого-нибудь другого, воспринимает как свой первый в жизни эстетический объект. И будьте добры при этом экзамене - не осрамиться. Будьте добры восприниматься именно красивыми. А это прежде всего значит - любящими.

Красивое, то есть, на первых порах, чистое, мягкое, тёплое и потому - вкусное, - легче полюбить. Красивому - легче поверить. Красивое - то, к чему можно прижаться, во что можно уткнуться, отвернувшись от пока пугающе непонятного, чужого и уже поэтому некрасивого мира, - самая надёжная защита.

Красивое - это добро.

Некрасивое - это зло.

Так философствует младенец. А вы иначе? Ну, и что с вас возьмёшь, - вы уже испортились...

Я, должно быть, был в младенчестве прямо-таки снобом, - кроме мамы, никого не признавал. Других красивых объектов для меня не существовало. Это - со слов самой мамы: она любила рассказывать обо мне маленьком.

Может, с тех пор моё всегдашнее непонимание красоты внешней - и чуткость к внутренней? Я не понимал, - и не понимаю, - как можно быть добрым - и вместе с тем некрасивым? Что это за извращённые критерии красоты? Мама была красивой всегда, до самой смерти. И любимая учительница, заменившая мне бабушку - тоже. Это загорская учительница. Её звали Валентина Сергеевна Гусева. Она была совсем седая. Тонкая мягкая, даже на ощупь прозрачная, кожица. Звонкий голосок, доходивший до меня сквозь мою тяжёлую тугоухость. Объясняет мне что-то на уроке - и нараспев повторяет то, что говорит дактильно. Она со всеми так разговаривала - и дактильно, и голосом сразу. Зайдёшь в класс, остановишься рядом, прикоснёшься к её вибрирующему

горлышку, - как раз кому-то что-то дактильно говорит, помогая себе голосом... Засмеёшься от нежности - и не удержишься, поцелуешь в щёчку. За это Валентина Сергеевна называла меня "Лизун". Но я не всех "лизал". Весьма избирательно. Только красивых. То есть любимых. Какая разница?

Я вас ещё не убедил? Вы ждёте от меня "методических рекомендаций" по обучению разным видам искусства? Как учить наслаждаться красотой того или иного произведения?

А вы можете научить ребёнка чувствовать вкус пищи так же, как вы? Станете ли вы заменять ребёнку его собственный язык - вашим? Вряд ли... Вот вам и главная методическая рекомендация: не мешайте... То есть - не суетитесь...

Хорошо. Давайте по видам искусств.

Музыка. Прежде всего - ваш собственный голос. В моём случае - голос моей мамы. Пока слышал - "так", потом - через вибрацию горлышка и через слуховой аппарат.

Ритм шагов. Вообще - ритм движений. Ритм движения. Моего собственного. И вокруг меня.

Много ли вы, зрячеслышащий родитель, в этом понимаете? Стало быть, учитесь у ребёнка. Наблюдайте за ним. За тем, на что и как он реагирует.

Когда предлагаете ему вибрацию динамиков - не лезьте, не прижимайте грубо его ладошку к вибрирующей поверхности. Вы в этом ни бельмеса не смыслите, потому что слышите звук. Дайте ему самому решать, насколько плотно прижимать (или вообще не прижимать) ладошку к источнику вибрации. Вы слышите - значит, вы не знаете, в каком виде доходит музыка до него. Предоставьте максимум свободы. Отдайте ему в полное распоряжение регулятор громкости (а соседям вправьте мозги, чтобы немножко потерпели). Понаблюдайте за реакцией. Нравится? Почему? Что именно нравится? Осторожно попробуйте поддирижировать своей рукой, положив на неё руку малыша. Пусть теперь поддирижирует он... Подпойте музыку, положив свободную ладошку (или пальчик) малыша на любую вибрирующую поверхность вашего тела (совсем не обязательно на горло; когда я вместе с ребятами - слепоглухими! - крутил пластинки с духовым оркестром, и подпевал под знакомое, ребята держали руки - где место найдут: на горле, на шее, на макушке, на спине между лопатками, на груди... их набиралось до десятка человек, и все находили источник вибрации, благо голос у меня довольно низкий, а чем ниже, тем вибрирует отчётливее).

Не думайте, что вы все науки превзошли, и лучше слепоглохого знаете, как ему что-то воспринимать. Ни в коем случае не навязывайте ему свой способ восприятия. Наоборот, стремитесь к диалогу, пытайтесь воспринимать вместе с ним (хотя бы через совместное дирижирование, что ли), уступайте

ему инициативу, изучайте его способ восприятия. Будьте внимательны прежде всего к ребёнку, а не к себе. Учитесь у ребёнка. Если он лезет между динамиками, в самый грохот - пустите!

Я как-то был со слепоглухим мальчиком на первомайской демонстрации, возле духового оркестра. Мне самому пришлось один из двух слуховых аппаратов отключить - мешала какая-то речь через усилитель, всякие там приветствия, наверное... Я слушал оркестр через один аппарат, как бы одним ухом. А мой мальчик аппарат снял вообще.

- Почему? - спрашиваю.

- Я слушаю животом!

Ничего себе орган восприятия музыки. Но потом я понял, что это значит. Купил себе мощные акустические системы с усилителем высшего класса. Поставил их в шкаф так, чтобы можно было самому усесться между ними. Включал пластинку и садился в эту нишу. И "балдел", слушая не то что "животом" - всем телом! Вот только, чтобы отрегулировать громкость, вылезать оттуда приходилось... Ну, а соседский слышащий мальчик потом передавал мне, порой весьма энергичные, высказывания соседей по подъезду. Кто-то, например, в паузах между маршами и вальсами орал с первого этажа (а я-то на третьем): "Нельзя ли потише?" В том-то и дело, что нельзя. Погромче - пожалуйста!

Конечно, не среди ночи, но днём - почему бы и нет?

Впрочем, сейчас у меня есть активные акустические системы для компьютера. Рекомендую. Они подключаются к выходу для наушников. Хоть к магнитофону, хоть к сидирому - без разницы. Имеют вилку для подключения к сети, собственный регулятор громкости (в добавление к регулятору исходного аппарата, где крутится компакт-диск или кассета, или где радио). Сами колонки небольшие и не очень громкие, но их можно держать возле ушей, что я и делаю. Получается - для окружающих вполне терпимо, и мне хорошо слышно, да и вибрируют колонки, хорошо помещающиеся в ладони - дай Боже! Звук можно регулировать прямо на колонках, не пытаясь дотянуться до далеко расположенного магнитофона. Я лично в восторге. С тех пор, когда лет пятнадцать назад слушал всем телом сразу две грохочущие тумбочки в шкафу, не испытывал такого удовольствия. Соседи не возникают, и брат с сестрой ограничиваются тем, что закрывают дверь в свою комнату. И говорят, что им хоть и слышно, однако не мешает.

Что касается изобразительного искусства... С картинами дело швах, конечно. Однако научиться рисовать самому - можно. Во-первых, для этого давно придуман прибор Семевского. Рисуешь, что хочешь, по вроде как пластилиновой поверхности острым металлическим карандашом либо зубчатым

колёсиком на конце такого же карандаша, а потом стираешь всё нарисованное металлической тарелочкой и снова рисуешь... Я с таким же успехом рисовал на плотной бумаге, выполняя задания по геометрии, либо просто так, "из головы". В восьмидесятые годы XX века появились наборы листочков из полимерной плёнки со специальной металлической рамкой и упругой дощечкой. С помощью рамки закрепил листок на дощечке - и обыкновенной шариковой ручкой делай рельефный рисунок. И тебе видно, и зрячим тоже. Ну, я уже взрослым был, когда это появилось... А моим ребятам, и слепым и зрячим, в лагерях это дело пригодились ещё как.

Я любил рисовать на зрячей пишущей машинке. Вставишь лист и давишь только на две клавиши - точка и пробел. И вручную передвигаешь лист на точно рассчитанное количество интервалов междустрочечных. Таким способом я рисовал даже мосты через железнодорожные пути. С лицевой стороны листа - точечная штриховка чёрными углублениями, а с обратной эти точки хорошо прощупываются.

Очень любил я и выпиливать лобзиком. Учитель труда наносил чем-то острым контур, а я по этим процарапанным линиям пилил. Как-то выпилил даже оленя.

Любил плести бумажные коврики. А из этих ковриков потом плёл коробки. Даже с крышками. Использовал исписанную брайлевскую бумагу (специальную бумагу для письма рельефно-точечным шрифтом слепых).

Я был бы рад, если бы кто-нибудь сделал репродукции хоть некоторых картин, наклеивая лоскутки с разной поверхностью и разной формы... Художники, я читал, рисуют пятнами разного цвета. Вот такие лоскутки, своего рода мозаика, вместо пятен... Впрочем, фантазирую - хочется увидеть картины, - но таким способом вряд ли что получится, слишком мелким, трудновоспринимаемым будет рельеф.

А вот не слишком сложная, крупно-рельефная графика - пожалуйста. Барельефы, тем более статуи - без ограничений. То есть нет ограничений для нашего восприятия. Если не считать размеры, конечно - если произведение слишком большое.

А вот зрителей музеев я бы без сожалений отправил, как говорится, "на мыло". Не дают потрогать - тепло рук, видите ли, вредно для скульптур. В Третьяковскую галерею я по этой причине - больше ни ногой. Когда я там был последний раз с лагерной экскурсией, ко мне подошла, к уже до слёз обиженному, одиннадцатилетняя девочка. Я её погладил по головке и заявил на весь вестибюль, что мне и так хорошо, никаких ихних скульптур не надо, пускай трясутся над своими бесценными булыжниками.

Очень уж обидно было - до головной боли. С другой

стороны, и вправду: что может быть прекраснее живых детей? Ни минуты не посидят спокойно, всё время позы меняют - да за этим можно наблюдать без конца!

В условиях слепоглухоты одним из важнейших средств эстетического воспитания считается лепка. Из пластилина или любого другого подходящего материала. Это и познавательное средство, и творчество, то есть когда лепишь что захочешь, по своей (хотя бы игровой) инициативе. Но уж в творчество, пожалуйста, не лезьте в сапожищах и с буксирами-прицепами. В детстве творчество - это прежде всего игра, без всякого дидактического задания. Лишь бы скучно не было. Я любил лепить в соответствии со своей фантазией. Когда вместо этого учителя полезли ко мне с огурцами и морковками, до которых мне ни в пластилиновом, ни в нарисованном (рельефно) варианте никакого дела не было, - я к лепке сразу охладел.

И променял на книжку. Благо охоту читать к тому времени (мне было одиннадцать) никакая, самая тошнотворная, дидактика отбить уже не могла. И то чуть было не испортила мои отношения с Пушкиным: я не успел прочитать "Евгения Онегина" для себя, а не для школьного сочинения. После школьного сочинения от "Онегина" тошнило года три. А потом однажды на летних каникулах захотелось любых стихов, сошёл на безрыбье и "Онегин" - ничего другого в библиотеке не нашлось. С тех пор люблю этот роман в стихах.

К счастью, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Твардовского я успел прочитать и полюбить раньше, чем добрался до них по школьной программе. Не будучи дураком и сразу осознав то обстоятельство, что школьную программу лучше опережать, иначе можно потерять слишком много, - я махнул рукой на своих чересчур обстоятельных школьных учителей, взял в библиотеке учебники по истории литературы, составил по ним списки подлежащих прочтению произведений - и постарался всё, что нашлось, прочитать раньше, чем обстоятельные учителя соберутся это всё мусолить со мной на уроках. Читал для себя, а не для патолого-анатомического разбора в сочинении. Кое-что полюбил, кое до чего не дорос, потом вернулся, но главное - сориентировался в классике сам, и в русской, и в советской, и в зарубежной, - раньше, чем учителя собрались меня в ней ориентировать. Точно так же я поступил и с историей, и с географией, а частично и с прочими учебными предметами, - лишь бы нашлась по ним научно-популярная литература.

В итоге получилось как в анекдоте про папашу, собравшегося объяснить десятилетнему сыну, откуда берутся дети, а сын готов к его услугам:

- Да, папа! Пора нам об этом поговорить. Но что ты хочешь знать?

Вот вам и ещё "методическая рекомендация": не тяните резину, не топчитесь на месте, не удерживайте рвущегося вперёд ребёнка за хвост, - иначе он вам назло усядется, где пришлось, и займётся саботажем: ничего мне не интересно, отвяжитесь, отпустите гулять! А сам, конечно же, вопреки провозглашаемому нежеланию учиться у кого бы то ни было чему бы то ни было, учиться будет - только не у вас, а у кого попало, и, увы, чему попало...

Я, в общем, учился тому, чему меня и собирались учить, не дожидаясь, пока соберутся, - но к школьной программе относился как все: в данный момент был готов читать всё, что угодно, только не то, что полагалось "проходить". Я и сейчас такой вредный: если пристают с Библией - разыскиваю в интернете Маркса. Благо Библия у меня есть и в электронном, и частично в бумажном виде, а Маркс - только в бумажном, но он мне для работы тоже нужен. А при Советской власти жалел, что не могу почитать Библию... Как и "Майн Кампф" Гитлера, Но сейчас и "Майн Кампф" есть у меня на компакт-диске, только читать почему-то не хочется...

Словом, насильно мил не будешь. Сойдёт за методическую рекомендацию? Или как?

Архитектура. Как можно больше макетов. А ещё лучше - своими ножками обследовать изнутри, от подвала до чердака, любой доступный памятник. Не торопясь.

Позвольте планировку ближайшего парка обследовать самому, с ориентировочной тростью. Я, правда, ни у кого разрешения на это никогда не спрашивал... Уходил из дома и шлялся, где и когда хотел. Зато теперь из лесопарка "Лосиный остров" выведу любого заплутавшего зрячего.

Изучение окрестностей - тоже эстетическое воспитание. Красота планировки, красота нетронутой человеком природы (хотя где вы сейчас такую, неисковерканную, найдёте?). Отпустите ребёнка с ориентировочной тростью одного. Заботится - подбодрите: мы тут, рядом. Поможем, если что. Но разве тебе не интересно самому побродить по дорожкам, полазить по кустам? Обними за ствол берёзу, дуб, сосну. Поищи под дубом жёлуди. Посиди на бревне.

Как можно больше ощущений. Начиная с ласковых материнских рук и кончая поцелуями ветра и солнца. Ибо прекрасное есть любовь - во всём её бесконечном разнообразии.

Вот и не обедняйте ребячью жизнь любовью. Ни своей любовью к ним, ни их ответной - к вам, а так же ко всему остальному миру. Постарайтесь не ревновать. И сами будьте повнимательнее ко всему, что можно потрогать, что можно обласкать в ходе ощупывания, чему можно порадоваться наощупь. Не мешайте любить. Учите любить. Учитесь любить - вместе с ребёнком, пытаясь вжиться в его ситуацию, пытаясь -

постоянно! - его понять. Вот - источник всякой эстетики. В ситуации какой угодно инвалидности. И без всякой инвалидности - тоже.

Мне время от времени пытаются "помочь" ощупать что-либо ориентировочной тростью. Хватаются за трость и начинают бестолково шарить ею по объекту, да так при этом нажимают, что рискуют либо погнуть, либо вообще сломать её. Неудивительно: зрячий щупать не умеет. Ни рукой, ни ногой, ни тростью. Ему это умение просто не нужно. Есть же глаза. Но поймите: зрение и осязание - это две очень и очень большие разницы.

Поэтому не лезьте указывать там, где сами ничего не смыслите. Не хватайтесь за трость и за руку с тростью. Укажите направление, подведите к подлежащему осмотру предмету - и мы уже сами разберёмся.

Умейте помогать. Учитесь этому - на первых порах хотя бы по принципу: лучшая помощь - не мешать. В данном случае - не мешать щупать, не мешать ребёнку самостоятельно ориентироваться. И пользуйтесь каждым случаем, чтобы и ребёнка поучить искусству помогать. В первую очередь - вам. Нуждайтесь в детской помощи. Не отказывайтесь от неё. Учите ребёнка вам помогать. И вместе с вами - ещё кому-то...

Учиться любить - это ведь и значит прежде всего учиться помогать. И это не просто часть - хотя бы и важнейшая, - нет, это основа, фундамент всякого эстетического, то есть, прощу прощения, нравственно-эстетического, воспитания.

Учиться любить - значит учиться чувствовать. А учиться чувствовать - значит учиться красоте. В первую очередь - красоте сочувствия и помощи. Вот и питайте чувства. Всеми доступными способами, которые старайтесь находить сами, ибо любая книжка беднее жизни.

23 - 24 июня 2001